

Рэйф Файнс, добрый наш ПРИЯТЕЛЬ

— Господин Файнс, что ж Онегин для вас, «чудак печальный и опасный, создание ада или небес, сей ангел, сей надменный бес, что ж он?»

— Я очарован Онегиным с тех пор, как прочитал пушкинский роман. В этом человеке определенно есть тайна, и она мне близка. Меня вообще интригует человеческая двойственность, способность к взаимоисключающим движениям души. Онегин нашел для себя прибежище — укрытие стороннего наблюдателя, непричастного к жизни мира, безучастного к его тревогам. Ему удобно существовать именно так, но эта отстраненность всего лишь маска. Холодный циник, он оказался, однако, способен распознать в Татьяне подлинную внутреннюю гармонию и чистоту.

— Поэтому ваш Евгений во время «проповеди» в беседе выказывает искреннее участие в судьбе Татьяны, «разъясняя» ей самого себя и невозможность ответить на ее чувство?

— Эта сцена очень важна. Она написана Пушкиным так, что допускает взаимоисключающие трактовки: от надменного презрения хлыща к романтической девушке — до глубокого понимания ее чувств, которое, впрочем, ранит влюбленную Татьяну не меньше. Мы с Мартой выбрали второе.

«Мы с Мартой выбрали», «Марта решила», «по мнению Марты» — британская звезда, занимающая, если верить журналу «Empire», почетное место в середине четвертого десятка среди ста звезд всех времен, всякий раз не преминет подчеркнуть, что он не в одиночку скрепил союз между русской словесностью и английским кино. Да, он сыграл в фильме главную роль (в кадре) и весьма существенную роль исполнительного продюсера (за кадром). Да, замысел принадлежит ему — это он заболел «Евгением Онегиным» и заразил им свою сестру Марту. Но пригласил ее на постановку не как сестру, а как подающего надежды молодого режиссера; автор визуально изысканных клипов и рекламных роликов. Есть прямое доказательство того, что Файнс не собирался устраивать из «Онегина» семейное предприятие: его брат Джозеф Файнс, блеснувший во «Влюбленном Шекспире», остался без роли. Правда, нашлась работа для композитора Магнуса Файнса, но он был зван не по соображениям родства, а исключительно потому, что у них с Мартой — тесный творческий союз. Поскольку музыка младшего Файнса дело не ограничилось и Марта решила обогатить саунд-трек исконно-русскими мотивами, вышел обаятельный конфуз.

— Господин Файнс, скажите, пожалуйста, как пробралась в фильм советская песня «Ой, цветет калина...», которую на два голоса распевает Ленский с Ольгой?

— По-моему, это очень забавно: Онегин откровенно скучает, слушая эту сталинскую песню...

Отшутились. Все очень упрямые и недоуменные вопросы (например, почему в фильме не нашлось места сну Татьяны и с какой стати Татьянин день пришелся на позднее лето?) наталкиваются на весьма жесткий, хотя и неизменно вежливый ответ: «Наш фильм — не буквальный слепок». Зато о своем герое может говорить долго и увлеченно: съемки давно закончились, но Файнс от Онегина, видать, еще не «остыл». Он решительно не согласен с одним английским исследователем, который написал, что Онегина-де невозможно полюбить хотя бы потому, что он убил Ленского:

— Как я могу его не любить? Мы с ним очень похожи.

Правда, в отличие от «москвича в Гарольдовом плаще», чистокровный англичанин Файнс танцевал неважно — этот недостаток он взялся исправить и исправил:

— Я научился вальсировать, даже мазурку танцевать, а это очень сложно... Самое интересное — постигать науку утреннего облачения петербургского франта: надевать корсет, повязывать галстук особым образом. Конечно, все это занимало не три часа, как у Онегина, а чуть меньше, но все же. Так что прошу не судить о моих способностях модно и изысканно одеваться по тому, как и во что я сейчас одет...

Моск. новости — Интервью взял Дмитрий САВЕЛЬЕВ (журнал «Сеанс») 1999. — 1-7 июня, — с. 22